

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН, (Москва)

КАПИТАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ КРЕДИТОРОВ (О книге В. Штрика «Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма»)¹

Аннотация. Статья представляет собой критический обзор книги Вольфганга Штрика «Купленное время». Работа представляет собой переосмысление эволюции политических режимов богатых западных государств, связанное с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. В центре внимания находится трансформация налогового государства в государство долгов, появление «рыночного народа», проблемы легитимации нового политического режима. Делаются выводы о невозможности возвращения к прежнему кейнсианскому «государству благоденствия», ставится проблема нового противоречивого отношения между капитализмом и демократией. Появление и усиление роли «рыночного народа» повышает значение глобальной финансовой олигархии. Прежние взгляды о том, что власти в демократических странах должны действовать в интересах массового (медианного) избирателя, признаются нереалистичными и устаревшими.

Ключевые слова: налоговое государство, государство долгов, кризис легитимности, «рыночный народ».

JEL: B24, B26, G01, H60.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10310

После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. появились сотни, если не тысячи интересных работ, которые осмысливали как сам механизм возникновения кризиса, так и его долгосрочные последствия. Сходясь в том, что кризис был вызван неолиберальной экономической политикой, которая привела к неконтролируемому усложнению и разрастанию рынка производных финансовых инструментов (см. в частности: [Эйхенгрин, 2016; Бьерг, 2018; Стиглиц, 2011] и многие другие), авторы сильно, иногда диаметрально, расходятся в оценках будущего как капиталистической экономики, так и капиталистического общества. Наверное, наиболее популярной позицией следует считать призыв к прогрессивному налогообложению и возврату к кейнсианской политике государства всеобщего благосостояния ([Стиглиц, 2016; Кругман, 2009; Крауч, 2016; Пикетти, 2016] – этот список можно продолжать), но эту теорию никто не торопится применять на практике. После кризиса прошло уже более десяти лет, а экономическая конструкция ведущих капиталистических стран претерпела разве что косметические изменения. Темпы роста снизились, однако не произошло ни краха, ни даже заметного сдвига в экономических доктринах. Последнее в свое время с удивлением фиксировал известный британский социолог К. Крауч в работе с говорящим названием «Странная не-смерть неолиберализма» [Крауч, 2012].

На этом фоне цикл лекций старого немецкого политолога, посещавшего лекции Т. Адорно, прочитанный в 2012 г. и опубликованный в 2013 г., казалось бы, должен

¹ Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М.: ИД ВШЭ, 2019. Далее в круглых скобках после цитат приводятся страницы данного издания.

фиксировать все то же – долгожданный крах неолиберальной экономической политики и необходимость возврата в «старое доброе время». Однако уже во введении обнаруживается «...мой интуитивный отказ верить в то, что любой кризис непременно закончится хорошо, – такой же интуитивной позиции, как мне кажется, придерживался и Адорно. Он не был склонен к “функционалистской” трактовке безопасности, приверженцем которой был, например, Талкотт Парсонс; Адорно не стал бы уверять, что рано или поздно все само собой уравнивается... Проблемы могут не иметь решения – по крайней мере, здесь и сейчас. И если кто-то осуждающе покачает головой и спросит, а где же тогда осталось все “позитивное”, я обратился бы к Адорно – мастер меткого слова, он, без сомнения, ответил бы так: а что, если вообще нет ничего позитивного?» (с. 8–9).

Такое начало интригует. Когда-то в России М. Хазин, М. Леонтьев, М. Делягин много говорили об «исчерпании капитализма», достигшего пределов роста в связи с глобализацией. Но В. Штрика интересуют совсем другие проблемы. Пророчества франкфуртской неомарксистской школы о мировом кризисе в России давно забыты (если, конечно, считать, что они вообще были известны), а Штрик обращается именно к ним как к «точке отсчета». Он указывает, что во главу угла франкфуртские теоретики ставили «не техническую управляемость современного капитализма, а его социальную и культурную *легитимацию* (здесь и далее в кавычках курсив автора. – П.О.). В результате, недооценивая капитал как политического актора и стратегическую силу, но при этом переоценивая способность правительства к действиям и планированию, сторонники описанного подхода подменили экономическую теорию теориями государства и демократии и поплатились за это, лишившись в своем аналитическом арсенале постулатов марксистского наследия» (с. 24–25). Критика, применявшаяся тогда, требовала «справедливого вознаграждения» для работников. И эти аргументы впоследствии были сняты через либерализацию экономики и «иммунизацию экономической политики против демократического давления снизу – чтобы вернуть в систему доверие “рынков”» (с. 27).

Автор полагает, вместе с многими современными экономистами, что «капитализм богатых демократических обществ переживает тройной кризис, и конца ему пока не видно: *банковский кризис, кризис государственных финансов и кризис реальной экономики*. Никто не ожидал – не в 1970-х, ни в 1980-х годах, – что такое совпадение возможно» (с. 29). Сейчас все это выглядит почти банальностью. Однако в свете этого Штрик переосмысливает старую концепцию кризиса легитимации, делая акцент не на работниках с их ожиданиями справедливых доходов, но на капиталистах: «Экономические кризисы капитализма являются результатами кризиса доверия со стороны капитала, это не технические сбои, а кризисы легитимации особого рода. Низкие темпы роста и безработица – следствие “инвестиционной забастовки” собственников капитала: последние могли бы инвестировать его, но не будут этого делать, пока не восстановят свое доверие к ситуации» (с. 51). И далее: «Иными словами, капитализм предлагает общественный договор, в котором определены легитимные обоюдные ожидания между капиталом и трудом, между зависимыми от прибыли и зависимыми от заработной платы, эти ожидания более или менее четко выражены в виде формальной или неформальной экономической конституции» (с. 52).

С падением прибылей в 1970-е гг. прежние договоренности разрушаются, а вместе с ними заканчиваются и прелести государства общественного благосостояния – «политически гарантированная полная занятость, коллективное ... формирование заработной платы в ходе переговоров со свободными профсоюзами, участие рабочих в управлении предприятием; государственный контроль с гарантированным трудоустройством как пример для частного сектора; всеобщие социальные гарантии, лишённые конкурентной основы; весьма ограниченное социальное неравенство..., а также государственная конъюнктурная и промышленная политика, направленная на поддержание стабильного

роста» (с. 58). Признаться, глядя из 2020 г. в России, все это кажется уже какой-то фантастикой. Начались многократно описанные в экономической литературе неolibеральные реформы, обеспечившие последующий длительный экономический рост. Штрик в этом отношении подчеркивает только то, что сначала с помощью высокой инфляции в 1970-х, а впоследствии – наращивания займов и государственного долга богатые капиталистические страны «купили» необходимое время для перехода к новому общественному договору, с условиями которого и работники, и капиталисты так или иначе согласились уже к концу 1980-х гг.

До сих пор легитимистская логика В. Штрика сравнительно мало отличалась от основных посылок и выводов других авторов, анализировавших ретроспективу кризиса 2008–2009 гг. Однако в следующих пунктах Штрик начинает расходиться с традиционным анализом. И начинается это с причин, по которым «налоговое государство» заменяется «государством долгов».

Традиционный взгляд на причины фискального кризиса заключается в том, что «государство благоденствия» принимает на себя слишком большие социальные обязательства и вследствие этого непомерно увеличивает налоги. Даже такой сторонник либеральной демократии, как У. Нисканен, предполагал, что налоги при этом политическом режиме будут выше, чем при автократии [Нисканен, 2013]. Штрик «схлопывает» аргументацию Нисканена и других либералов до проблемы режима свободного доступа к общинной собственности: «Вкратце многочисленные версии “трагедии общинных владений”... сводятся к следующему: если ресурс не принадлежит кому-то одному и все члены сообщества могут свободно им пользоваться, то этот ресурс очень скоро будет исчерпан... Поскольку политики, получающие свои должности в результате выборов, действуют рационально..., они будут уступать давлению и требованиям большинства избирателей; конкуренция за голоса избирателей будет подпитывать иллюзию о неисчерпаемости “котла”. Выиграв гонку и получив должность, они будут стремиться быть избранными на новый срок и потому станут тратить больше, чем может позволить себе государство. Следствием этого являются хронический дефицит бюджета и растущий государственный долг.

С точки зрения основного направления экономической теории кризис государственных финансов есть результат непроясненных отношений собственности и, значит, неоднозначно распределенной ответственности, а последняя, в свою очередь, объясняется крахом демократии или, если точнее, распространением демократической практики принятия решения на проблемы, которые таким образом не решаются» (с. 81–82). Именно отсюда вытекает требование ограничения расходов и повышения их эффективности путем привязки к конкретным целям, а потом уже – и соответствующего сокращения налогов. Вряд ли бы против этого стал возражать и сам М. Фридмен.

В. Штрик, однако, полагает, что демократия здесь не при чем. Наибольшее увеличение государственного долга приходится на период после 2008 г., «он не имеет никакого отношения к инфляции, вызванной требованиями электората. Если тут и замешаны возросшие требования, то они исходили от проблемных банков...» (с. 83). По нашему мнению, это все теперь становится ясно «задним числом». Еще в 1980-е гг., когда Тэтчер столкнулась с сопротивлением шахтеров, а Рейган – авиадиспетчеров, казалось, что рост долга, как и инфляция – результат прежних уступок социал-демократам. Но на длинном горизонте в 40 лет можно согласиться с автором, что «рост, сокращение и снова рост государственного долга тесно связаны с победой неolibерализма над послевоенным капитализмом, что сопровождалось политическим *выхолащиванием* массовой демократии. Первые серьезные бюджетные дефициты 1980-х годов появились вслед за укрощением воинственно настроенных профсоюзов и ростом безработицы. Последняя... легитимировала радикальные реформы рынка труда и сжатие системы социального обеспечения...» (с. 87).

Вряд ли это отвечало ожиданиям массового избирателя. Как результат – потеря интереса к выборам, на что указывает Штрик. Если в 1960-е в среднем на выборы в богатых странах приходило 84,1% избирателей, в 1970-е – 82,1, то в 1990-е – 76,3, а в 2000–2011-е – 72,5% (с. 90). Цифры в отдельных странах, наверное, ниже, учитывая, что кое-где предусмотрены штрафы за отказ в голосовании. Хотя 70%-ная явка, на наш взгляд, еще не означает такого массового отказа. В конце концов, Штрик формулирует проблему следующим образом: «Если рост государственного долга коррелирует с неолиберальным поворотом и падением интереса к участию в политической жизни и не коррелирует с массовой демократической мобилизацией, то в чем причина этого?» (с. 101). В качестве причины автор указывает «проявление функциональной проблемы модернистского государства, диагностированной еще в начале XX в., а именно: попытки государства изъять у частных собственников средства, необходимые ему для решения своих задач, обычно проваливаются. Так что причиной государственного долга становятся не *высокие расходы*, а *низкие доходы* – экономика и общество, организованные по принципу собственного индивидуализма..., не позволяют поднимать налоги выше определенного предела, одновременно предъявляя все больше требований к государству» (с. 101).

Беспристрастный читатель в таком случае мог бы заметить, что обществу тогда нужно не налоги поднимать, а свои требования уменьшить, что вполне соответствовало бы консервативной экономической логике. Однако Штрик делает любопытный экскурс в экономическую историю, чтобы показать, что вплоть до 1970-х гг. налоговые доходы и бюджетные расходы росли примерно одним и тем же темпом. Ближе к «неолиберальному повороту» стало расти «налоговое непослушание», а в 1990-е вместе с глобализацией появилась и стала реализовываться возможность выбирать удобные «налоговые гавани» и «хорошие» юрисдикции. Далее автор делает акцент на невозможности сокращения расходов, указывая на необходимость содержания и развития инженерной инфраструктуры, а также финансирования ряда жизненно важных (включая обороноспособность) фундаментальных исследований и НИОКР.

Любопытен и экскурс в историю мысли. Штрик вспоминает о старом законе Адольфа Вагнера, который оставался «источником вдохновения для Ричарда Масгрейва еще в 1980-е годы» (с. 109). Он указывает на концепцию австрийского социалиста Р. Гольдшайда, мало известного российскому читателю оппонента М. Вебера. Гольдшайд, «переформулировав в ключе фискальной социологии² теорему Маркса о нарастающем противоречии между способом производства и производственными отношениями..., ожидал, что способность налогового государства изымать необходимые средства у своих граждан... рано или поздно исчерпает себя. В этой точке, по мнению Гольдшайда, развитие налогового государства достигнет своего предела, поскольку в условиях капиталистического социально-экономического устройства государство действует как “экспроприатор”, не имеющий собственных ресурсов для исполнения взятых на себя обязанностей. После этого должна будет произойти “рекапитализация” государства, чтобы свои расходы оно могло оплачивать не за счет налогов, а за счет собственной экономической деятельности...

Гольдшайд был не одинок в своем фискально-политическом пессимизме. Возможность “кризиса налогового государства” широко обсуждалась после Первой мировой войны, на

² Подобная версия «фискального марксизма» популяризовалась в свое время Е. Гайдаром со ссылкой на династические циклы Ибн Сины. Основное противоречие, которое обуславливает общественное развитие, Гайдар находил не в классовой борьбе, но в противоречиях между изымающими часть доходов и продукции вооруженными представителями государства и производителями, так или иначе оказывающимися в положении налогоплательщиков. Как только изымаемая часть превышает определенную норму, экономический рост тормозится, государство начинает терять динамику и гибнет под напором соседей. Подробнее см. в: [Гайдар, 2005]. С работами Р. Гольдшайда, по-видимому, Гайдар был незнаком.

этом фоне особенно заметным и влиятельным стал эпохальный доклад молодого Йозефа Шумпетера, прочитанный перед Австрийским социологическим обществом... Шумпетер пришел к выводу, что налоговое государство как исторический институт еще не достигло своего предела и что, в частности, военные долги Австрии и Германии можно погасить, не прибегая к всеобщей национализации. В то же время в долгосрочной перспективе он не исключал и даже ожидал, что налоговое государство и капиталистический способ производства в целом когда-нибудь себя изживут» (с. 111–112).

Самым интересным в лекциях Штрика, на наш взгляд, является идея трансформации налогового государства в государство долгов: «Формирование государства долгов можно рассматривать и как фактор, замедляющий кризис налогового государства, и как возникновение новой политической формации с собственным сводом законов» (с. 114–115). Появление этого нового политического режима требует своей политической экономики, на которой мы еще остановимся ниже. Здесь же вслед за автором констатируем, что «финансовый кризис государства не является следствием того, что масса населения, искушенная избытком демократии, якобы растащила для своих целей слишком много средств из государственного бюджета; скорее, причина в том, что те, кто больше всего выиграли от капиталистического хозяйствования, все меньше и меньше выплачивали в государственную казну...

Все это проясняет истинные обстоятельства *краха демократии* в неолиберальные десятилетия. Демократия и демократическая политика потерпели крах, когда они проглядели контрреволюцию, направленную против социального капитализма послевоенного времени, и никак ей не сопротивлялись, когда в период ложного процветания в 1990-е годы они не стали спешить с регулированием хаотично и повсеместно разросшегося финансового сектора, когда они доверчиво разглагольствовали о замене “жесткого” *правительства* “мягким” управлением; когда они не стали настаивать на том, чтобы возложить на главных бенефициаров капиталистической экономики социальные издержки их прибылей, и когда они не только согласились с усиливающимся неравенством между верхними и нижними слоями, но и провели... “стимулирующие” налоговые реформы и реформу социальной сферы» (с. 114–115).

Это – неожиданная констатация: прямо-таки «крах демократии». В России уже в 1990-е гг. на демократию стали смотреть как на определенный способ селекции начальников, не связывая с ним ожиданий социальной справедливости для большинства населения. В этом отношении никакого «краха демократии» у нас не было, да, пожалуй, и быть не может. В отечественной литературе рассматривается модель «медианного избирателя» и партийное строительство в свете будущей победы партий на выборах, а отнюдь не для выражения политическими деятелями каких-либо «классовых интересов». Все это крайне далеко от проблем старой или новой легитимации, на которых сосредотачивается Штрик. Отечественная новая политэкономия в этом отношении, пожалуй, является еще более неолиберальной, чем западная. При этом и приватизацией социальных услуг нас не удивит (перевод части вузов в АНО, платные образовательные и медицинские услуги в России – давно свершившийся факт). Штрик, конечно, неомарксист, и о крахе демократии он говорит как об утрате иллюзий западного массового избирателя, а заодно, возможно, и своих собственных. *Форма* политического режима при этом, конечно же, на западе не менялась, ни о каком крахе нет и речи, один сплошной расцвет.

В свою очередь, основная теоретическая новация, связанная с появлением государства долгов, заключается в том, что кроме граждан, которые «по определению» являются и налогоплательщиками, появляется другая категория физических и юридических лиц – держатели долгов, кредиторы. Первых автор характеризует как «государственный народ», а вторых – как «рыночный народ». Разница между ними представлена на следующем рисунке Штрика:

«Государственный народ» (<i>Staatsvolk</i>)	Рыночный народ (<i>Marktvolk</i>)
Национальный	Международный
Граждане	Инвесторы
Гражданские права	Финансовые требования
Избиратели	Кредиторы
Выборы (периодически)	Аукционы (непрерывно)
Общественное мнение	Процентные ставки
Лояльность	Доверие
Государственные услуги	Обслуживание долгов

(с. 124: «Рис. 2.6. Демократическое государство долгов и его два народа»).

Автор поясняет: «Демократическое государство, управляемое своими гражданами и существующее за их счет в качестве *налогового государства*, превращается в демократическое *государство долгов*, как только его существование начинает зависеть не только от денежных выплат граждан, но в значительной степени и от доверия кредиторов. В отличие от «государственного народа» налогового государства, «рыночный народ» государства объединен на транснациональной основе. Его представители связаны с национальным государством исключительно узами контрактов – как инвесторы, а не как граждане. Их права по отношению к государству имеют не публичный, а частный характер, они проистекают не из конституции, а из гражданского права. Вместо расплывчатых и политически расширяемых гражданских прав они предъявляют государству такие финансовые требования, которые, в принципе, можно оспорить в суде и аннулировать по окончании соответствующего договора. В своей роли кредиторов они не могут избавиться от неудобного им правительства, но они могут продать его облигации или воздержаться от участия в торгах по новым облигациям. Процентная ставка на этих торгах – соответствующая оценка инвесторами рисков, что они не получают своих денег обратно или получают не в полном объеме – является общественным мнением «рыночного народа», выраженным количественно и потому более точным и легче считываемым, нежели общественное мнение «государственного народа». Если от своих граждан государство долгов ожидает лояльности, то в отношении «рыночного народа» оно заботится о том, чтобы завоевать и сохранить его доверие, для чего добросовестно обслуживает свой долг и всячески старается показать, что сможет его обслуживать и впредь» (с. 124–125).

Понятно, что рыночный народ государства долгов весьма малочислен по сравнению с государственным народом, при этом транснациональные финансовые корпорации имеют прямые контакты с правительствами своих должников (Штрик приводит пример интервью с генеральным директором фонда РИМСО Мохаммедом эль-Эрнаном). При этом, конечно, в мейнстриме экономической теории на фондовых рынках, где торгуются государственные облигации, господствуют представления о совершенной конкуренции (точно так же, как демократическая модель предполагает конкуренцию политиков за голоса избирателей. Тот факт, что эта конкуренция сводится к борьбе двух, редко – пяти партий, почему-то упоминается редко: ведь это же в лучшем случае олигополия; так ведь можно пойти и до неудобного вопроса о том, чем олигополия лучше монополии).

Ситуация взаимодействия и конфликта между указанными «народами» – новый феномен. Штрик в результате своего политэкономического анализа выделяет следующие важные результаты:

«1. Увеличение долга богатых демократий вот уже какое-то время ограничивает их фактический суверенитет, и правительственная политика все больше подчиняется указаниям финансовых рынков...

2. ...обслуживание долгов должно быть первично по отношению к государственным услугам и социальной поддержке...

3. В борьбе за доверие рынков государства долгов должны показать, что они могут в любой момент выполнить свои обязательства по гражданско-правовым договорам...

4. ...если сокращение расходов на “государственный народ” зайдет слишком далеко, оно может отрицательно сказаться на росте национальной экономики... Задача объединения жесткой экономии со стимулированием экономического роста похожа на квадратуру круга: никто толком не знает, как с этим справиться...

5. Дальнейшие трудности возникают из-за того, что значительная часть “рыночного народа” одновременно является и “государственным народом”, значит, их интересы связаны не только с надежным обслуживанием государственного долга, но и, возможно, даже в большей степени, с поддержанием действующей системы государственных услуг...

6. Мало что известно о властных отношениях между “государственным народом” и “рыночным народом” и о том, как они влияют на переговоры по вопросам условий торговли между ними... [должники] могут в одностороннем порядке по своему усмотрению переструктурировать государственный долг, поскольку “суверенные” должники до сих пор не подпадают под действие законов о банкротстве... Этот кошмар постоянно преследует кредиторов...

7. Рынки могут привлечь на свою сторону международное сообщество и организации для подкрепления своих требований к государствам долгов. При этом они могут использовать свое организационное преимущество по сравнению с государственной системой, которая, хотя и укоренена в глобальных рынках, остается организованной по национальному принципу...».

Далее Штрик интерпретирует Европейский Союз как «государство консолидации», где, предположительно, формируется многоуровневая система управления, которую можно во многом понимать как систему господства «рыночного народа» над «государственным». Это, конечно, большое упрощение, впрочем, полагаем, заинтересованный читатель сам сделает свои выводы.

Если допустить еще большее упрощение, то «рыночный народ» В. Штрика чем-то сильно напоминает старую финансовую олигархию, разросшуюся до глобальных масштабов. Это во многом неверно – держателями государственного долга могут быть и домохозяйства со средним доходом. Однако такая абстракция может быть полезна во многих отношениях. Во-первых, она отрезвляюще действует на любителей социального патернализма, мечтающих о введении «жесткого» прогрессивного налогообложения и возвращении к кейнсианскому государству благоденствия. Во-вторых, позволяет объяснить ситуацию низких темпов роста в ряде богатых стран: наличие высоких процентных платежей, как правило, не позволяет государству осуществлять большие инвестиции в инфраструктуру и НИОКР. В третьих, хорошо дополняет концепцию Т. Пикетти (стоит отметить, что у Штрика нет на него ссылок). Наконец – и это, пожалуй, самое важное – она представляет намного более реальную политэкономическую картину противоречивых взаимоотношений демократии и капитализма, чем ставшая новой классикой теория общественного выбора. Впрочем, последнее, конечно, дело вкуса.

Сомнительно, чтобы глубокую и оригинальную книгу В. Штрика в России ждал шумный успех. Тем не менее она несомненно найдет своего читателя среди экономистов, увлеченных институциональным анализом. Остается только поблагодарить издательство Высшей школы экономики за то, что оно взялось за перевод и издание этой, на наш взгляд, выдающейся работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бьерг У. (2018). Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гайдар Е.Т. (2005). Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело.
- Крауч К. (2012). Странная не-смерть неолиберализма. М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
- Крауч К. (2016). Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: ИД ВШЭ.
- Кругман П. (2009). Кредо либерала. М.: Европа.
- Нисканен У.А. (2013). Авторитарная, демократическая и оптимальная форма правления: фискальные решения и экономические результаты. М.: Изд. Института Гайдара.
- Пикетти Т. (2016). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Стиглиц Дж. (2011). Крутое пикирование: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо.
- Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо.
- Штрик В. (2019). Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М.: ИД ВШЭ.
- Эйхенгрин Б. (2015). Зеркальная галерея. Великая депрессия. Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Изд-во Института Гайдара.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences.

orekhovskaya@mail.ru

CAPITALISM AND CREDITOR'S DEMOCRACY

(About V. Shtrik's book «Purchased Time. Delayed crisis of democratic capitalism»)

The article is a critical review of the book «Purchased Time» by Wolfgang Streeck. The work is a rethinking of the evolution of political regimes in rich Western states, connected with the global financial crisis of 2008–2009. The focus is on the transformation of «a tax state» into «a state of debt», the emergence of a «market people», the problem of legitimizing a new political regime. Conclusions are drawn about the impossibility of returning to the old Keynesian «welfare state», the problem of a new contradictory relationship between capitalism and democracy is posed. The emergence and strengthening of the role of the «market people» increases the importance of the global financial oligarchy. Previous views that the authorities in democratic countries should act in the interests of the mass (median) voter are considered unrealistic and non-actual.

Key words: tax state, debt state, crisis of legitimacy, «market people».

JEL: B24, B26, G01, H60.

REFERENCES

- Bjerg U. (2018). How Is Money Made? The philosophy of post-credit capitalism. M.: Ad Marginem Press (In Russian).
- Crouch K. (2012). The Strange Non-Death of Neoliberalism. M.: Publishing House «Delo» RANEPА (In Russian).
- Crouch K. (2016). How To Make Capitalism Acceptable to Society. M.: ID HSE.
- Eichengrin B. (2015). Mirror Gallery. The Great Depression. The Great Recession, History Lessons Learned and Not Learned. M.: Publishing house of the Gaidar Institute (In Russian).
- Gaidar E.T. (2005). A Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History. M.: Business (In Russian).
- Krugman P. (2009). Liberal Creed. M.: Europe (In Russian).
- Niskanen U.A. (2013). Autocratic, Democratic and Optimal Governance: Fiscal Decisions and Economic Results. M.: Ed. Gaidar Institute (In Russian).
- Piketty T. (2016). Capital in the XXI century. M.: Ad Marginem Press (In Russian).
- Streeck W. (2019). Purchased Time. Delayed Crisis of Democratic Capitalism: A Series of Lectures in the Framework of the Frankfurt Readings in Memory of Adorno. M.: ID HSE (In Russian).
- Stiglitz J. (2011). Steep Dive: America and the New Economic Order after the Global Crisis. M.: Eksmo (In Russian).
- Stiglitz J. (2016). Great division. Inequality in Society, or What Should the Remaining 99% of the Population Do? M.: Eksmo (In Russian).